

Екатерина Асонова, Ольга Бухина

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ

Статья посвящена исследованию роли современных художественных произведений на исторические или социально-политические темы, в которых авторы используют элементы сказочного или фантастического в формировании исторического и политического (или гражданского) мировоззрения ребенка. Использование художественных приемов, присущих сказке, рассматривается как способ сделать исторический материал привлекательным и доступным для юного читателя, даже если речь идет о трудных событиях истории, таких, как война, политические репрессии, властные структуры. Авторам рассматриваемых произведений удастся сказать гораздо больше о сути исторических явлений и/или создать условия для знакомства с политическим устройством общества, чем если бы они оставались в рамках полностью реалистического произведения. С точки зрения методики обучения историческая сказка или сказка на политическую тему позволяют решить образовательные задачи, связанные с удовлетворением интереса к истории и/или политике в раннем возрасте, а также с формированием мотивации к освоению исторического материала.

Ключевые слова: Сказка, сказочное, исторические темы, политика в восприятии детей, мотивация к изучению истории или политического устройства общества, удовлетворение потребности в чтении.

Екатерина Андреевна Асонова

Московский городской педагогический университет,
asonova_ea@mail.ru

Ольга Бухина

Независимый исследователь, Нью-Йорк,
bukhina.olga@gmail.com

Не приходится сомневаться: образ других народов, так же как и живущий в нашей душе образ самих себя, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Узнавание прошлого становится для нас открытием мира, которое запечатлевается на всю жизнь. То, что удовлетворяло нашу первую любознательность, пробуждало наши первые эмоции, остается неизгладимым.

Марк Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира»

Жанр сказки позволяет ребенку постигать мир, приобщаться к самым трудным вопросам человеческого бытия. Как отмечает исследователь сказочного Бруно Беттельхейм, «ребенок, слушая сказку, начинает понимать, как он сможет упорядочить тот хаос, который царит в его внутреннем мире» [Bettelheim 1976, 75]¹. Ему вторит Элизабет В. Харрис, подчеркивая, что сказки, становясь «объясняющим устройством», обеспечивают ребенку возможность «прочитывать, и даже предсказывать мир» [Harriss 2000, 126]. Эта задача сказки остается неизменной в связи с ее «сензитивной» адекватностью, то есть совпадением фантазийного и метафорического подхода к объяснению происходящего вокруг, свойственного ребенку. Остается ли сама сказка неизменной, когда она взаимодействует с тем временем, в котором существует — рассказывается, записывается, сочиняется — один из интереснейших исследовательских вопросов в сфере детской культуры.

Какие художественные задачи ставит перед собой детский сказочник? В первую очередь он активно использует именно это свойство сказки — ее дидактический потенциал — чтобы облечь в удобную для учебных или воспитательных целей форму информацию. Так, начавшаяся в русской детской литературе с «Городка в табакерке» В. Ф. Одоевского традиция образовательных сказок, когда с помощью сказочного повествования организуется учебный материал для воспитательной беседы или развивающей игры [Асонова, Каширина, 2017], продолжается и сегодня. При этом жанр современной литературной сказки гибок, пластичен, восприимчив к актуальной тематике — будь то инклюзия, новая этика, история или политика.

Предметом представляемого в данной работе небольшого исследования были выбраны сказки, созданные в первые десятилетия XXI в. и затрагивающие исторические и политические темы, которые не новы для детской литературы. Так, на политическую тематику сказки обращает внимание Джек Зайпс, один из самых

известных исследователей сказок, который предлагает рассмотреть «процесс письма как часть социального процесса, своего рода вмешательство в постоянно продолжающийся дискурс, обсуждение и конфликт, связанные с балансом власти и социальных отношений» [Zipes 2007, 2]. Он утверждает, что любая конкретная литературная сказка для детей является символическим актом, насквозь пропитанным идеологическими представлениями ее автора, и что «сказка для детей не может быть отделена от сказки для взрослых», поскольку обе уходят корнями в жанр устного творчества, создаваемого и развиваемого именно взрослыми, и только когда «сказка становится приемлемым литературным жанром среди взрослых, она затем появляется в печати в восемнадцатом веке в виде произведений для детей» [Zipes 2007, 3].

Елена Гошило в предисловии к антологии «*Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales*» подчеркивает, что в советской детской литературе сказка часто использовалась в целях пропаганды [Goscilo, 2005]. Марина Балина видит советскую литературную сказку, включая произведения А. Гайдара, Л. Лагина и А. Толстого, «дидактическим инструментом, способным повлиять на будущие поколения» [Balina 2005, 105]. Советская литературная сказка «выполняла важную идеологическую функцию», становясь частью миссии «строительства коммунизма» [Balina 2005, 108], стремясь показать то лучшее, что существует в настоящем или должно появиться в недалеком будущем. Балина отмечает как приуроченность советской сказки во времени, так и другую важную ее особенность: в сказке «фантастические герои сосуществуют с советскими гражданами» [Balina 2005, 118]. Исключение из этого правила составляет «Сказка о военной тайне» А. Гайдара, описывающая ситуацию, казалось бы, конкретной войны, но превращающая ее за счет мифопоэтических терминов в «чисто метафорическую конструкцию, в которой отсутствуют какие-либо приметы конкретного времени или места» [Balina 2005, 109]. Марк Липовецкий, разбирая произведения для взрослых, написанные с привлечением сказочных элементов, такие, как пьесы Е. Шварца, в особенности «Дракон», или «Сказка о тройке» А. и Б. Стругацких, подчеркивает «утопический аспект сказочной традиции в советской культуре» [Lipovetsky 2005, 233]. На примере этих произведений видно, что сказка «обладает весьма мощным языком для упрощения катастрофической и непонятной реальности советской эпохи» [Lipovetsky 2005, 234]. Согласно Липовецкому, даже советская цензура руководствовалась неким неписанным этикетом — до тех пор, пока автор

помещал своих героев хоть в какой-то мере за пределами конкретного мира советской жизни, фантазия как бы защищала писателя от цензуры, позволяя выпустить немного пара без прямой критики существующего режима [Lipovetsky 2005, 241].

Сходным образом современный автор, «уходя в сказку», защищает свое право сказать детям гораздо больше, чем удалось бы, оставаясь автор в рамках полностью реалистического произведения. Современная литературная сказка участвует в раскрытии самой актуальной тематики: будь то социальная инклюзия, трудные вопросы новейшей истории или политики. Жанр сказки в целом стремительно преобразуется, появляются различные гибридные варианты, где сказочному отводится в какой-то мере служебная роль, как, например, в трилогии «Ленинградские сказки» Юлии Яковлевой, где сталинские репрессии, ленинградская блокада и тыловая жизнь переплетаются с фантасмагорическими приключениями детей, оставленных на произвол судьбы после ареста родителей [Asonova, Bukhina 2020, 6].

Как и советская литературная сказка, современная сказка может быть локализована во времени, в одних случаях в современности, в других — в истории. Исторический материал «упаковывается» в таких произведениях в сказочную форму, даже если речь идет о самых трудных событиях истории. Это дает возможность ребенку увидеть историю более объемно, воспринять ее не абстрактно, а лично. В текстах, рассчитанных на младших школьников, конкретный сказочный прием, (например, введение в повествование мышек-персонажей, которые путешествуют по разным эпохам) позволяет показать исторические эпохи с другого ракурса, не «сверху», то есть с точки зрения современного взрослого исследователя, а как бы «снизу», с точки зрения ребенка или маленького существа. Например, серия книг московского издательства «Пешком в историю» опраывает мышек Тинку и Тимку в каменный век и Древний Египет, Древнюю Грецию и Древний Рим, Древний Новгород и эпоху Наполеоновских войн. Образы двух мышей, Тинки и Тимки, были придуманы Андреем Усачевым и многократно использованы в книгах издательства, например, в книгах «Тайна морской звезды: историческая сказка для детей» (2011) М. Пастернак и «Русская пленница французского кота» (2012) И. Жукова. При помощи введения в повествование сказочно-игрового элемента решается именно образовательная задача — сделать исторический сюжет, его образы и детали узнаваемыми, вызывающими позитивную эмоцию с расчетом, что в дальнейшем эта привлекательность ляжет

в основу более серьезного погружения в предмет. Сходным образом конкретные исторические периоды превращаются в сказку в книгах Марины Аромштам «Кот Ланселот и золотой город» (2014) и «Плащ крысолова» (2014). Первая из них, используя старинную легенду о мэре Лондона, рассказывает о трудной жизни в средневековой Англии, а вторая повествует о Палестине времен Крестовых походов, Англии XVII и XIX вв., Китае XVIII в. Эти исторические эпохи настолько далеки от нас, что сказка выполняет простую задачу превращения познавательного материала в занимательное чтение. Сказка в данном случае, наряду с театром или музейной интерактивной экспозицией, выполняет роль культурного посредника — предлагает читателю историческую эпоху как игровой сюжет, расширяющий границы постигаемого мира как в пространственном, так и временном отношении. Яркими примерами такого же подхода к постановке художественно-дидактической задачи и использованию исторического материала являются повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Москвест» (2011) и В. Ледерман «Календарь ма(й)я» (2016).

Несколько иная, хоть и близкая в дидактическом смысле задача решается в сборнике сказок Игоря Жукова «Крокодил, который любил все красивое» (2010), посвященных жизни и любви царевича Алексея. Эти короткие «сказки, записанные со слов Савелия Мартышко, авантюриста» и «сказки из архива профессора Тарзанова» являются продолжением игры с историческими именами и деталями. Петр I и царевич Алексей предстают перед читателем как герои постмодернистской литературы: ничего общего с историческими фактами как будто бы нет. Однако это прямое приглашение подростка к присвоению «исторического материала», вовлечение в довольно сложную интеллектуальную игру, цель которой в распознавании вымысла, основанного на хорошем знании истории и свободе в ее деконструкции.

Развитие новейшей детской литературы показывает, как сохраняется и развивается данная способность сказки решать важную просветительскую роль в представлении молодому поколению непростых вопросов, связанных с последствиями диктатуры, отражения политических решений на судьбах конкретных литературных героев. Пространство детской сказки наполнено образами, включая «башни, леса, комнаты, клетки, печи, хижины и заколдованные замки», символизирующими покинутый дом, изгнание, опасность, тюрьму и даже смерть [Haase 2000, 363–364]. Сказочные элементы в реалистическом повествовании позволяют рассказы-

вать о том, что связано с исторической травмой в результате таких трагических событий недавней истории, как мировые войны, сталинские репрессии или Холокост. Этот прием хорошо известен в детской литературе многих стран.

Ярким примером, заимствованным из американской литературы конца XX в., служит книга Джейн Йолен «Дьявольская арифметика» (1988)². Во время торжественного Седера (празднования еврейской Пасхи) американская девочка неожиданно попадает в маленький городок в Польше и оказывается свидетельницей и участницей событий Второй мировой войны. Ее появление воспринимается как нечто совершенно естественное — одна из родственниц в большой семье болела и теперь выздоровела. Вместе с другими членами этой еврейской семьи она оказывается в фашистском концлагере. В конце истории, отправившись в газовую камеру вместо своей родственницы, героиня магическим образом возвращается в современную жизнь. Сказочное обрамление предельно достоверной истории совершенно необходимо — оно разрешает читателю непринужденно войти в прошлое, но при этом ощущать себя в безопасности. Кроме «Дьявольской арифметики» Йолен посвятила теме Холокоста повесть «Принцесса Шиповничек» (1992), где история спасения героини из лагеря смерти передается через классическую сказку о заснувшей принцессе. Действительной причиной сна героини становится немецкая передвижная газовая камера. В сказке (и в реальности) принц (партизан) поцелуем (искусственным дыханием) избавляет героиню от смерти. Чудом добравшаяся до Америки, она много лет спустя передает историю своего спасения трем внучкам, рассказывая им сказку о заснувшей принцессе. Сказочная форма позволяет показать невероятно трагическую историю (кроме героини, никто больше не спасся) таким образом, что все же остается надежда. Еще одной недавней попыткой поведать о трагических событиях мировой истории, а именно Гражданской войны в Испании, стала книга Гильермо дель Торо и Корнелии Функе «Лабиринт Фавна» (2019)³. Борьба испанских партизан с солдатами Франко совмещается со сказочным сюжетом, в котором девочка-героиня встречается с пугающим лесным существом Фавном и должна пройти три страшных испытания. Сходной стратегии придерживается Евгений Ельчин, автор и иллюстратор книги «Сталинский нос» (2011). В достаточно достоверное, хотя и стилизованное повествование вводятся фантасмагорические сцены — сны героя. Рассказчик то плывет высоко над толпой во время демонстрации на Красной площади, то разговаривает в школьном

кабинете с курящим трубку носом Сталина⁴. Сказочность дает возможность сместить фокус внимания с исторической документальности в сторону осмысления феномена тоталитарного режима и репрессий⁵.

Продолжая фантазмагорическую линию «Сталинского носа», в своих «Ленинградских сказках» (2016–2020), цикле из четырех уже опубликованных сказочных повестей⁶, Юлия Яковлева вводит сказочно-абсурдистские элементы в повествование о сталинизме, войне, ленинградской блокаде, эвакуации. Этот цикл, смешивая сказку и реальность, повествует о таких событиях истории, о которых детям обычно стараются не рассказывать. Идея о том, что «детей не надо расстраивать», по-прежнему активно поддерживается многими учителями, родителями и другими инстанциями, ответственными за детское чтение [Бухина 2014; Bukhina 2019]. Сказочность у Яковлевой, напротив, добавляет изображаемому историческим событиям трагического ореола. Выход в сказочное и фантазмагорическое позволяет и Яковлевой, и Ельчину нарушить табу на изображение палачей и тиранов, которое непреодолимо в реалистической литературе: «мы смело можем осуждать государство Трех толстяков, но столь же смело осудить насилие, чинимое сотрудником НКВД, не получается. Его присутствие в жизни героев детской книги возможно изобразить только как своего рода стихийное бедствие. А осуждать этот персонаж, как и стоящую за ним реальную историческую фигуру, бессмысленно» [Асонова, 2020, 323].

Непростая в политическом отношении тема Великой Отечественной войны традиционно остается одной из важнейших в детском чтении в воспитательном и образовательном аспектах; в ней в целом сохраняется советский взгляд на эту эпоху и советский героический нарратив [Тибонье 2020, 145–146]⁷. Лора Тибонье разбирает примеры в целом реалистических произведений о войне, таких как «Облачный полк» (2012) Э. Веркина, «Следы» (2017) Е. Басовой, «Сад имени т. с.» (2018) М. Ботевой. Хотя уже у Веркина появляются фантастические элементы, позволяющие автору другими глазами взглянуть на историю «пионера-героя» и избавиться от героического нарратива, именно в книгах Яковлевой сказочные приемы достигают своего апогея. Благодаря этой сказочности, произведения Яковлевой легко отрываются от привычного советского сочетания «героического» и «трагического», уходя в фантазмагорическое. Вторая, третья и четвертая книги «Сказок» Яковлевой предлагают «альтернативное» прочтение истории Великой Отече-

ственной войны, в частности Ленинградской блокады, эвакуации, жизни в тылу и возвращения в освобожденный Ленинград⁸. Яковлева, однако, ставит перед собой иные задачи, вводя блокаду в цепочку нарративов советского прошлого, не выделяя ее каким-то особым образом из ужасов сталинских репрессий и страданий мирного населения в военное время. Кроме того, Яковлевой удается захватить совершенно другой сегмент читателей, нежели «обычный» читатель литературы о блокаде. Ее читатель слишком мал для того, чтобы «переварить» реалистический рассказ об одном из самых страшных моментов русской истории.

Продолжая развивать тему истории в социальном и даже политическом аспекте, вспомним богатую сказочную традицию, связанную с обращением к теме власти, государственного устройства: Я. Корчак «Король Матиуш Первый» (1923), Ю. Олеша «Три толстяка» (1924), Дж. Родари «Приключения Чиполлино» (1951), С. Прокофьева «Лоскутик и облако» (1972). Сказочные миры этих историй созданы для осуждения тирании, провозглашения идеалов свободы и демократии. Современные сказочники обращаются к более сложной, не столь поляризованной картине мира. В произведениях Айно Первик «Как работать президентом» (2008) и Станислава Востокова «Президент и его министры» (2010) ставится задача сделать сложную «взрослую» тему из сферы социально-политического доступной и занимательной для ребенка. В книжке эстонской писательницы Айно Первик маленький читатель встречается с добрым героем-президентом. Президенту очень нравится собирать каштаны — сказочное в этой истории делает его человечным, близким, чем-то похожим на Деда Мороза, недаром у него есть маленький внук, с которым он любит кататься на санках. Да и во всех дальнейших историях именно смесь обыденного и политического — забота президента о курах и празднование дня рождения перемешаны в жизни президента со встречами с послами и диктаторами других стран — придает повествованию сказочную интонацию. В каком-то смысле Президент Понтус — это взрослое и счастливое воплощение Короля Матиуша; у Понтуса получается всех делать счастливыми и избегать конфликтов.

Станислав Востоков в своих повестях «Президент и его министры», «Путешествие к задивану», «Президент и мировое зло», «Губительница задумчивых пловцов», объединенных в сборник «Президент и его министры», представляет президента, который «в шортах, майке и сандалиях лежал на берегу реки» [Востоков 2010, 9]. Это сказка, в которой художественное повествование —

детская игра. Случайным образом набирается кабинет министров, герой сам придумывает свой народ. Это вымышленное, фантазийное «государство» становится для ребенка первым образом новейшей истории, который окажется доступным, эмоционально заряженным, ироничным. Такой способ изображения десакрализирует иерархичность власти, участвует в формировании особого — критического — отношения к политическим играм. В данном случае именно сказочность дает возможность автору рассказать ребенку о политике гораздо больше, чем это было бы возможно в реалистическом повествовании.

Мы видим, как сочетание сказочного и реалистического позволяет балансировать между тяжелым для восприятия или трудным для понимания материалом и возможностью знакомства с ним юных читателей, необходимостью не поступиться правдивостью повествования. Описывая, например, войну, «сказочное повествование облегчает, но никоим образом не устраняют травматических переживаний. Как становится понятно читателю, герой может начать новую жизнь, но переживания войны никогда полностью не исчезнут из его памяти» [Kostecka 2017, 38]. В социально-политической тематике введение сказочного элемента дает возможность осветить социальные вопросы, с таким трудом решаемые в действительности. Во всех этих случаях сказочное становится первой ступенью познания мира — исторического и современного, точно так же как волшебная сказка, которую взрослый читает на ночь маленькому ребенку, становится первой ступенью познания мира добра и зла. С помощью сказочного осуществляется возможность знакомства юного читателя с тем, как устроен современный мир в его недавней исторической перспективе, со всеми его сложностями и противоречиями. Такое знакомство необходимо в условиях недостаточного жизненного опыта и отсутствия пока еще опыта исторического.

Примечания

- ¹ Переводы цитат с английского языка выполнены авторами статьи.
- ² Джейн Йолен известна также как автор многочисленных томов фэнтези. «Дьявольская арифметика», подростковый текст, рассказывающий о Холокосте, входит в США во многие школьные программы.
- ³ Книга написана на основе одноименного фильма, снятого Гильермо дель Торо, испанским режиссером, в 2006 г.
- ⁴ Книгу Ельчина можно встроить в ряд произведений американской детской и подростковой литературы о российской истории. Современная

американская детская литература часто прибегает к сказочности в тех случаях, когда события локализованы в прошлом России или Восточной Европы. Однако, в отличие от книг Йолен и Ельчина, как правило, авторы этих произведений не хотят (или не считают возможным) придерживаться исторической правды и предпочитают в произвольном порядке смешивать в одном произведении русских царей, Бабу-Ягу и других фольклорных персонажей, как это происходит в романе Грегори Магуайра «Яйцо и ложка» (2014), да и в многочисленных американских подростковых романах с «участием» выжившей после расстрела царской семьи принцессы Анастасии.

⁵ Тема сталинских репрессий в реалистическом отображении появилась в детской литературе достаточно недавно, если не считать ходившей сначала в самиздате, а потом изданной в начале перестройки и переизданной в 2015 г. повести Марьяны Козыревой «Девочка перед дверью» (1977). Относительно недавно появились такие сугубо реалистические произведения, как «Сахарный ребенок» (2013) Ольги Громовой и «Польная елка» (2018) Ольги Колпаковой; в обеих книгах соединены сталинские репрессии и тыловые военные тяготы.

⁶ Пятая книга, по словам автора, уже закончена и ждет публикации.

⁷ Об этом периоде истории в современных условиях медийного пространства возможно повествование с точки зрения патриотического восторга, невозможным оказывается хоть сколько-то критическое осмысление происходившего. Тема Великой Отечественной войны в современной детской литературе является не только исторической, но и политической.

⁸ Конечно, блокада, как и война в целом, и жизнь в тылу, в литературных произведениях описывалась не раз. Блокадные нарративы включают в себя публикации блокадных дневников детей и взрослых (например, книга блокадных «рассказов» взрослых и детей «Блокада. Хрестоматия», составленная П. Барсковой), реальные воспоминания блокадников, а также множество написанных специально для детей книг, например, такие реалистические произведения для младших подростков, как «Три девочки» (1948) Елены Верейской или «Кукла» (1989) Геннадия Черкашина.

Литература

Источники

Аромштам 2014 — Аромштам М. С. Кот Ланселот и золотой город. М.: КомпасГид, 2014.

Аромштам 2014a — Аромштам М. С. Плащ крысолова. М.: КомпасГид, 2014.

Басова 2018 — Басова Е. В. Следы. М.: Речь, 2018.

- Ботева 2018* — Ботева М. А. Сад имени т. с. М.: КомпасГид, 2018.
- Веркин 2020* — Веркин Э. Н. Облачный полк. М.: КомпасГид, 2020.
- Востоков 2010* — Востоков С. В. Президент и его министры. М.: Время, 2010.
- Ельчин 2013* — Ельчин Е. Сталинский нос / пер. с англ. Е. Ельчина и О. Бухиной. М.: Розовый жираф, 2013.
- Жвалевский, Пастернак 2019* — Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б. Моск-вест. М.: Время, 2019.
- Жуков 2010* — Жуков И. А. Крокодил, который любил все красивое. М.: Априори-Пресс, 2010.
- Жуков 2012* — Жуков И. А. Русская пленница французского кота. М.: Пешком в историю, 2012. (Серия «Россия в 1812 г.»).
- Корчак 2016* — Корчак Я. Король Матиуш Первый / пер. с польского Н. Подольской. М.: АСТ, 2016.
- Ледерман 2020* — Ледерман В. В. Календарь ма(й)я. М.: КомпасГид, 2020.
- Пастернак 2011* — Пастернак М. В. Тайна морской звезды: историческая сказка для детей. М.: Пешком в историю, 2011. (Серия «Древний Крит»).
- Первик 2013* — Первик А. Как работать президентом / пер. с эст. Л. Блюм. Таллинн: КПД, 2013. (Minu eestikeelne gaamat. Моя эстонская книжка).
- Торо, Функе 2020* — Торо Г. дель, Функе К. Лабиринт Фавна / пер. с англ. М. Лахути. М.: Азбука, 2020.
- Яковлева 2016* — Яковлева Ю. Ю. Дети ворона. М.: Самокат, 2016.
- Яковлева 2018a* — Яковлева Ю. Ю. Краденный город. М.: Самокат, 2018.
- Яковлева 2018b* — Яковлева Ю. Ю. Жуки не плачут. М.: Самокат, 2018.
- Яковлева 2020* — Яковлева Ю. Ю. Волчье небо. М.: Самокат, 2020.
- Yolen 2014* — Yolen J. Devil's Arithmetic. New York: Puffin Books, 2014.
- Yolen 2016* — Yolen J. Briar Rose. New York: Tor Teen, 2016.

Исследования

- Асонова 2020* — Асонова Е. «Табу или не табу — вот в чем вопрос!» // Детские чтения. 2020. № 1 (17). С. 320–333. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-320-333.
- Асонова, Каширина, Маймистова 2017* — Асонова Е., Каширина Е., Маймистова Д. Современные сказочники и их сказки // Детский сад: теория и практика. 2017. № 7. С. 80–85.
- Бухина 2014* — Бухина О. Почему они так боятся детской литературы // Colta.ru. 2014. 18 июня. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/3584>.

Тибонье 2020 — Тибонье Л. Великая Отечественная война в современной русской детской литературе: в поисках альтернативы // Детские чтения. 2020. № 1 (17). С. 144–166. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-144-166.

Asonova, Bukhina 2020 — Asonova E., Bukhina O. Everything is New: The Publishers, the Writers, and Most Importantly, the Readers / trans. by I. Leyn // Bookbird. 2020. Vol. 58. No. 2. Pp. 1–12.

Balina 2005 — Balina M. Introduction // Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales / Ed. by M. Balina, H. Goscilo, M. Lipovetsky. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2005. Pp. 105–122.

Bettelheim 1976 — Bettelheim B. The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales. New York: Alfred A. Knopf, 1976.

Bukhina 2019 — Bukhina O. Why Are They So Afraid of Children's Books? The Subversive Power of Imagination (P. 1) // Dzieciństwo. Literatura i Kultura. 2019. No. 1 (2). Pp. 170–187. DOI: 10.32798/dlk.163.

Goscilo 2005 — Goscilo H. Introduction // Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales / Ed. by M. Balina, H. Goscilo, M. Lipovetsky. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2005. Pp. 5–22.

Harries 2000 — Harries E. W. The Mirror Broken: Women's Autobiography and Fairy Tales // Marvels & Tales: Journal of Fairy-Tale Studies. 2000. No. 14. Pp. 122–135.

Haase 2000 — Haase D. Children, War, and the Imaginative Space of Fairy Tales // The Lion and the Unicorn. 2000. No. 24 (3). Pp. 360–377. DOI: 10.1353/UNI.2000.0030.

Kostecka 2017 — Kostecka W. Once Upon a Time There Was a War: The Use of Fairy-tale Conventions in Contemporary Polish Literature for Children about Refugees // MASKA: Magazyn Antropologiczno-Społeczno-Kulturowy. 2017. No. 4 (36). Pp. 33–49.

Lipovetsky 2005 — Lipovetsky M. Introduction // Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales / Ed. by M. Balina, H. Goscilo, M. Lipovetsky. Evanston: Northwestern Univ. Press. Pp. 233–250.

Zipes 2007 — Zipes J. Fairy Tales and the Art of Subversion. Milton Park: Routledge, 2007.

References

Asonova 2020 — Asonova, E. (2002). “Tabu ili ne tabu — vot v chem vopros!” [“Taboo or not taboo — that is the question!”]. *Detskie chteniya*, 1 (17), 320–333. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-320-333.

Asonova, Bukhina 2020 — Asonova, E., Bukhina, O. (2020). Everything is New: The Publishers, the Writers, and Most Importantly, the Readers (trans. by I. Leyn). *Bookbird*, 58 (2), 1–12.

- Asonova, Kashirina, Maymistova 2017* — Asonova, E., Kashirina, E., Maymistova, D. (2017). *Sovremennye skazochniki i ikh skazki* [Modern storytellers and their tales]. *Detskiy sad: teoriya i praktika*, 7, 80–85.
- Balina 2005* — Balina, M. (2005). Introduction. In M. Balina, H. Goscilo, M. Lipovetsky (Eds.), *Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales* (pp. 105–122). Evanston: Northwestern Univ. Press.
- Bettelheim 1976* — Bettelheim, B. (1976). *The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales*. New York: Alfred A. Knopf.
- Bukhina 2014* — Bukhina, O. (2014). *Pochemu oni tak boyatsya detskoy literatury* [Why are they so afraid of children's literature]. In Colta.ru (18 June). Retrieved from <http://www.colta.ru/articles/literature/3584>.
- Bukhina 2019* — Bukhina, O. (2019). *Why Are They So Afraid of Children's Books? The Subversive Power of Imagination. Part 1*. *Dzieciństwo. Literatura i Kultura*, 1 (2), 170–187. DOI: 10.32798/dlk. 163.
- Goscilo 2005* — Goscilo, H. (2005). Introduction. In M. Balina, H. Goscilo, M. Lipovetsky (Eds.), *Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales* (pp. 5–22). Evanston: Northwestern Univ. Press.
- Haase 2000* — Haase, D. (2000). *Children, War, and the Imaginative Space of Fairy Tales. The Lion and the Unicorn*, 24 (3), 360–377. DOI: 10.1353/UNI.2000.0030.
- Harries 2000* — Harries, E. W. (2000). *The Mirror Broken: Women's Autobiography and Fairy Tales*. *Marvels & Tales: Journal of Fairy-Tale Studies*, 14, 122–135.
- Kostecka 2017* — Kostecka, W. (2017). *Once Upon a Time There Was a War: The Use of Fairy-tale Conventions in Contemporary Polish Literature for Children about Refugees*. *MASKA: Magazyn Antropologiczno-Społeczno-Kulturowy*, 4 (36), 33–49.
- Lipovetsky 2005* — Lipovetsky, M. (2005). Introduction. In M. Balina, H. Goscilo, M. Lipovetsky (Eds.), *Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales* (pp. 233–250). Evanston: Northwestern Univ. Press.
- Thibonnier 2020* — Thibonnier, L. (2020). *Velikaya Otechestvennaya vojna v sovremennoy russkoy detskoy literature: v poiskakh al'ternativy* [The Great Patriotic War in Modern Russian Children's Literature: Looking for an Alternative]. *Detskie chteniya*, 1 (17), 144–166. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-144-166.
- Zipes 2007* — Zipes, J. (2007). *Fairy Tales and the Art of Subversion*. Milton Park: Routledge, 2007.

Ekaterina Asonova

Institute of System Projects at Moscow City University; ORCID:
0000-0002-3707-5191

Olga Bukhina

Independent scholar, New York; ORCID: 0000-0002-6187-8074

CONTEMPORARY LITERARY TALES: HISTORY AND POLITICS IN
CHILDREN'S READING

This article researches the role of contemporary children's historical fiction as well as fiction with social and political topics that use the elements of fairytales or fantasy to form historical and political (or civil) views of children. The use of artistic devices typical for fairytales is discussed in the article in a frame of the possibility of making historical information attractive and understandable for a young reader, even in such difficult cases as wars, political repressions, or authoritarian governments. This way the authors of books discussed in the article are able to tell much more about the essence of historical events and/or to create the conditions for understanding of the political organization of the society than if they would stay strictly with the realistic genres. For learning purposes, historical fairytales and fairytales discussing politics allow to meet very complicated educational challenges that satisfy a particular interest in history and/or politics natural for small children and to create the motivation to master the historical material.

Keywords: Fairytale, historical topics, perception of politics by children, motivation to study history or political organization of the society, children's need to read